Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Чувственная поездка в Петербург. Часть 11

Алёна встретила нас в прихожей внешне удивленно: «А я думала, что вы подольше погуляете». Я подыграла ей и спросила, кто еще дома. Она ответила, что Александра на занятиях по танцам, а Рома у себя в комнате. Раздевшись полностью у себя в гостевой, я постучала к Роману, не имея в голове при этом ровно никакого плана действий:
— Добрый вечер, можно к тебе?
Рома обернулся ко мне, сидя за столом с книгами.
— Привет. Заходи, присаживайся.
Когда я уселась и окинула взглядом комнату, то увидела надпись на двери: «Свобода — это то, что я сам сделал из того, что сделали из меня».
— Ух ты, сам сформулировал?
— Это не я, это Жан-Поль Сартр.
— К своему стыду, не знаю, кто это такой.
— Один из самых знаменитых философов XX века. А еще писатель и драматург. Отказался от Нобелевской премии по литературе и от ордена Почетного легиона. Когда во время студенческих волнений в Париже был задержан полицией, то президент де Голль приказал его отпустить, сказав при этом: «Франция Вольтеров не сажает».
— Однако, я смотрю — у тебя целый шкаф с трудами философов. Неужели все это читаешь?
— Собираюсь поступать на философский. Так что перечитаю по мере возможности.
— Я просто так зашла к тебе. А то завтра уже уезжаю. Со всеми в вашей семье, кроме тебя, наговорилась вдоволь. Вот решила и к тебе напоследок заглянуть. Не слишком отвлекаю?
— Да нет. Ты еще будешь когда-нибудь у нас?
— Точно не знаю. Инга задумала медиа-проект о себе и пригласила меня в него в качесте соавтора. Идея этого проекта потрясающе интересна и просто вдохновляет меня в профессиональном плане. Но Инга поставила условие, чтобы я плотно начала заниматься им не раньше сдачи зимней сессии. Так что, может быть, весной приеду в Петербург. А может быть, мы и в Москве с ней встретимся. В общем, пока никакой понятности со сроками. Как сложится — так и сложится. А ты хотел бы еще со мной увидеться?
Наверное, я выбрала неправильную интонацию последней фразы. Потому Рома вдруг ни с того ни с сего раздраженно и почти грубо спросил: «Слушай, чего ты от меня хочешь?» После этого мне оставалось только фыркнуть: «Ровно ничего!» и выйти из комнаты.
Мое появление в гостинной листавшая там глянцевый журнал Алёна спокойно прокомментировала вопросом:
— Что-то пошло не так с Романом? Уже успели поругаться?
— А что — очень заметно?
— У тебя сейчас раздосадованное лицо.
Подошедший на наши голоса Денис мгновенно оценил обстановку и предложил мне портретную фотосессию как повод для будущих воспоминаний о поездке в Петербург. На мой вопрос, будет ли это фотосессия ню, он сказал, что ню можно будет устроить как-нибудь в другой раз. И добавил, что его сейчас его больше интересует мое лицо и плечи.
— Мне нужно одеваться?
— Не обязательно. Можно обойтись, к примеру, вашим газовым шарфиком. То, что ниже

плеч, в кадр все равно не попадет. А шарфик можно неплохо обыграть подсветкой.
Денис принес экран, драпировки, белые зонты для мягкого рассеянного света, какие-то цветовые фильтры и начал устанавливать аппаратуру. Гостинная на глазах преобразилась в фотостудию. Меня удивило, что перед съемкой Денис предложил мне просто немного попрыгать на месте, чтобы снять напряжение мыслей и тела. Он сказал что раньше, до цифровой эпохи, работая с моделью фотографы всегда делали первые кадры на пустой фотоаппарат. Просто пленка экономилась, пока модель еще не «разогрелась», освобождая свою индивидуальность от омраченности каким-то своими бытовыми проблемами.
Процесс фотосессии понемногу втянул меня в себя. А потом уже настолько захватил, что когда домой пришла Александра, я предложила ей пофотографироваться парой ню в масках. Наше совместное позирование благодаря шалостям Александры незаметно и как-то само собой перешло в откровенные ласки под объективом Дениса. Даже когда Алена с улыбкой позвала нас на ужин, мы продолжали еще минут десять ради своего и Дениса удовольствия.
За столом я намеренно уселась напротив Ромы. Он был спокоен, но явно старался не встречаться со мной взглядом. Денис с Алёной только переглядывались между собой, наблюдая эту сценку. Одна Александра болтала без умолку за столом. В конце трапезы Роман все-таки посмотрел мне в глаза и я поняла, что наше общение с ним сегодня не закончено. Поблагодарила Алёну за ужин и сказала, что хочу немного отдохнуть у себя в гостевой. И действительно, вскоре в дверь постучал Роман.
— Лена, я хочу извиниться за свою вспыльчивость. Это было глупо с моей стороны.
— Рома, я совершенно не сержусь. Но я так и не поняла, из-за чего ты вспылил.
Он помолчал, потом вздохнул и сказал:
— Просто ты на меня как-то сильно действуешь в эмоциональном плане.
— Ты что — влюбился в меня? — осторожно спросила я.
— Если парня тянет к девушке — это что всегда обязательно влюбленность?
— Нет, конечно. Может быть, и просто игра гормонов. И даже чаще именно игра гормонов. Да ты не стой посреди комнаты как памятник. Присаживайся. Хочешь — поговорим. Хочешь — просто помолчим вместе. Иногда лучше поговорить. Иногда лучше помолчать. Я сама сейчас не знаю, как лучше.
Рома сел на край дивана. Было видно, что он волновался, словно подбирая про себя нужные слова. «Все-таки, хороший мальчик, искренний», — подумалось мне.
— Знаешь, у меня есть девушка, — начал он, — и мы давно вместе.
Я молча слушала, сделав чуть удивленное лицо.
— А вот сегодня я понял, что сам не знаю, как мне к ней теперь относиться.
— Это из-за меня?
Он удрученно кивнул. Тут уже надолго замолчала я.
— Рома, я даже не знаю, что тебе сказать на это. Я не хочу тебя напрочь отталкивать от себя. Но и не хочу обнадеживать впустую. Сам все понимаешь: разные города и разный возраст. И это серьезное препятствие для отношений. И с твоей стороны, и с моей. Ситуация несуразная для нас обоих.
— Это я все понимаю — не маленький, — угрюмо сказал он и вздохнул, — только мне от этого понимания ничуть не легче.
Мы снова замолчали на несколько минут. bestweapon Я поймала себя на мысли, что мне почему-то интересно с ним молчать. Словно даже молчание с ним было говорящим. «Как

все-таки будет странно, если он окажется в конце концов моим мужем», — мелькнула мысль. И даже эта мысль показалась мне в тот момент не такой уже неприемлимой. «В конце концов, в конце концов... « — крутилось в голове. И тут же рождалось оспаривающее возражение: «А сейчас — это не в конце концов. Сейчас — это сейчас».
— Думаю, что нам обоим сейчас очень важно быть честными и друг с другом, и перед самим собой. Потому что цена малейшей нечестности может оказаться жестоко большой для нас обоих. Я хочу быть с тобой абсолютно честной.
— Я тоже этого хочу. И можешь меня не щадить.
— Знаешь, если бы у меня был парень, с которым я хотела бы связать свою жизнь, все было бы намного проще. Я бы просто сказала тебе, что несвободна. У меня даже мелькнула было мысль соврать тебе, что такой парень у меня есть. Чтобы самой выскочить из неудобной ситуации и тебя высвободить из нее.
— Вполне могла бы и соврать. Хотя, в общем-то, я бы почувствовал, что ты врешь. И оправдал бы тебя за это вранье. Мол, дело житейское, — нехотя сказал Рома.
— Не хочу врать. И не хочу врать, что мне до тебя и твоих переживаний вообще как до лампочки. У меня нет ощущения, что ты мне совершенно чуждый человек. Между нами есть какая-то непонятная мне связность. Может быть, это лишь отблеск вашей удивительной для меня семьи. Может быть, это связность только лишь на твою семью и не более того. Я сейчас не знаю этого и вряд ли узнаю быстро. Мне еще нужно будет хорошенько переварить ту массу впечатлений, которую я получила в этой поездке. В том числе и впечатление от тебя. Должна признаться, что ты меня сегодня сильно удивил.
— Это чем же? Тем, что нагрубил тебе?
— Да это
ерунда, что нагрубил. Бывает, я ж сама лишь недавно из подросткового возраста вышла. Тоже иногда концерты на пустом месте окружающим устраивала. Просто я на тебя смотрела раньше прежде всего как на обладателя красивого торса. А ты неожиданно оказываешься философом. Да и вообще человеком со своей позицией по жизни.
— Ну вот какой уж есть. Таким уродился.
— Но все это не отменяет того, что я завтра уезжаю. Я совершенно точно не увлечена тобой. Я отношусь к тебе сейчас гораздо спокойнее, чем ты ко мне. И я хочу, чтобы ты относился ко мне спокойнее. Вот чего мне только не хватало — так это того, чтобы ты из-за меня страдал и раскорябывал свои чувства ко мне изнутри.
— Да не нужно меня утешать. Я не маленький. Переживу как-нибудь, — буркнул Рома.
Я почувствовала, что начинаю волноваться. Сердце почему-то билось как бешеное.
— Знаешь, Роман. Утешать я тебя не собираюсь и не надейся. Подожди меня сейчас немного. Я хочу умыться холодной водой и собраться с мыслями. Потому что все равно нужно что-то решать.
Прохладная струя действительно успокоила меня. Я походила по коридору, вернулась в гостевую и села на диван рядом с Романом.
— Прежде всего я думаю, что нам в любом случае глупо сейчас бросаться в объятья друг друга.
— Согласен. Я вообще человек терпеливый. В довершение ко всем своим недостаткам.
— Терпение — это замечательное качество, если оно в меру и есть цель. Так что не будем загадывать с твоим терпением на вечные времена. Скажи, ты говорил как-нибудь обо мне своей девушке?

— Нет, конечно.
— И не говори. Я хочу, чтобы ты по крайней мере до следующей нашей встречи вел себя с ней так, как будто меня вообще нет в твоей жизни. Когда она рядом с тобой — меня мысленно рядом с тобой быть не должно.
— А когда она не рядом?
— Я не могу тебе запретить думать о себе. Ровно как и о любой другой девушке. Потому что если ребенка поставить в угол и категорически запрещать думать о белых медведях, то он только о них и будет думать. Так что в этом вопросе ты совершенно волен. Однако общаться по телефону или через интернет до нашей следующей встречи мы не будем. Мой «Сапсан» — завтра в 15—10. Если у тебя получится, то можешь меня проводить. Мне будет приятно. Но как только двери вагона закрываются, наше общение прерывается до следующего моего приезда в Петербург.

— Я хочу проводить тебя завтра. Только не из дома, а приду прямо к поезду. А если я поеду по какой-то надобности в Москву, можем ли мы встретиться?
— Нет, это уже будет мухлеж с твоей стороны, — посмеялась я, — а то ты можешь быстренько придумаешь себе московскую надобность на ближайших выходных. Следующая после моего завтрашнего отъезда встреча может быть только в Питере. Если, конечно, эта встреча вообще состоится. Лучше нам не загадать, как и что повернется. Будущее же заклинаниям и планам не слишком поддается. И если получится так, что наши пути разойдутся, мы не должны об этом сожалеть.
— Ну хорошо. Я принимаю эту позицию. С какими еще твоими пожеланиями я должен считаться?
— Я сейчас тебе ничего не обещаю в плане верности тебе. И ты мне ничего не обещай. Мы не собственность друг друга. У каждого своя жизнь. В том числе и сексуальная. Я не ограничиваю тебя в отношениях с девушками, а ты не ограничиваешь меня в отношениях с парнями. Пока правила игры такие. Может быть, в каком-то отдаленном будущем на какой-то очередной нашей редкой встрече мы изменим эти правила. Но пока они должны действовать неукоснительно.
— С понятными правилами жить уже легче, — сразу повеселел Рома.
Мы еще долго болтали с ним. С ним мне и вправду было интересно. Все-таки, по манере общения он очень напоминал своего отца. Наконец, Рома посмотрел на часы и с сожалением сказал, что мне уже, наверное, пора ложиться спать.
— Мне кажется, что не очень хочешь уходить, — сказала я ему.
— Конечно, не хочу.
— Если не будешь лезть целоваться и ласкаться, то можем заснуть сегодня вместе. Просто обнявшись. Выдержишь такое немилосердное испытание духа?
— Можно попробовать, — отшутился он.
— Только попробуй не выдержать. Тогда следующей встречи не будет.
Я постелила и мы легли вместе. Так, уютно обнявшись, вместе и уснули.